

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 3. С. 73–83.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 3. P. 73–83.

Научная статья / Original article

УДК 94(47)

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-73-83

ПОЧЕМУ «ПЕТЕРБУРГСКАЯ РОССИЯ» ТАК И НЕ ПОБЕДИЛА «МОСКОВСКУЮ РУСЬ»? (М. М. КОВАЛЕВСКИЙ О ПРОБЛЕМЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

Нина Борисовна Хайлова
Институт российской истории РАН,
Москва, Россия, nkhalova@yandex.ru

 Аннотация. В статье рассматриваются взгляды М. М. Ковалевского на проблему заимствования зарубежного опыта в области политических институтов. В центре внимания — работа Ковалевского «Очерки по истории политических учреждений России» (1908), первый в историографии опыт сжатого и доступного изложения темы. «Московская Русь» — символ страны как восточной деспотии (именно так ученый характеризовал Россию XVI–XVII веков). «Петербургская Россия» — условный образ России как Европы. Ковалевский исследует транзит страны с Востока на Запад, выделяя реформы Петра I, Екатерины II, Александра I и Александра II. Он приходит к выводу о том, что преобразование политического строя России по иностранным образцам не по-

© Хайлова Н. Б., 2022

мешало сохранению политических устоев, свойственных «Московской Руси». Ковалевский объясняет это влиянием ряда внутренних и внешних факторов, отстаивает приоритет культуры в деле общественного переустройства.

Ключевые слова: М. М. Ковалевский, «Московская Русь», «Петербургская Россия», природно-географический фактор, самодержавие, национальный характер

Ссылка для цитирования: Хайлова Н. Б. Почему «Петербургская Россия» так и не победила «Московскую Русь»? (М. М. Ковалевский о проблеме заимствования зарубежного опыта) // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2022. Т. 5, № 3. С. 73–83. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-3-73-83>.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

WHY DID “PETERSBURG RUSSIA” NEVER DEFEAT “MUSCOVITE RUSSIA”?
(M. M. KOVALEVSKY ON THE PROBLEM OF BORROWING FOREIGN EXPERIENCE)

Nina B. Khailova

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, nkhailova@yandex.ru

Abstract. The article deals with the views of M. M. Kovalevsky on the problem of borrowing foreign experience in the field of political institutions. The focus is on the work of Kovalevsky “Essays on the history of political institutions in Russia” (1908), the first experience in historiography of a concise and accessible presentation of the topic. “Muscovite Russia” is a symbol of the country as an oriental despotism (this is how the scientist characterized Russia in the 16th–17th centuries). “Petersburg Russia” is a conditional image of Russia as Europe. Kovalevsky explores the transit of the country from east to west, highlighting the reforms of Peter I, Catherine II, Alexander I and Alexander II. He comes to the conclusion that the transformation of the political system of Russia according to foreign models did not prevent the preservation of the political foundations characteristic of “Muscovite Russia”. Kovalevsky explains this by the influence of a number of internal and external factors, he defends the priority of culture in social reconstruction.

Keywords: M. M. Kovalevsky, “Muscovite Russia”, “Petersburg Russia”, natural-geographical factor, autocracy, national character

For citation: Khailova, N.B. (2022) ‘Why did “Petersburg Russia” never defeat “Muscovite Russia”?’ (M.M. Kovalevsky on the problem of borrowing foreign experience), *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(3), pp. 73–83. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2022-5-3-73-83.

Проблема, упомянутая в подзаголовке статьи, занимает особое место в научном наследии Максима Максимовича Ковалевского (1851–1916). Исследуя законы социальной эволюции, он активно развивал сравнительно-исторический метод, внес вклад в теорию заимствования [Вострикова, 2011, с. 50–53]. В 1887–1905 годах ученый жил за границей, совмещая научную и преподавательскую деятельность. Откликом на растущий интерес к России стал цикл лекций Ковалевского, посвященный истории развития отечественных государственных учреждений. Эти выступления были положены в основу публикаций, осуществленных в 1902–1903 годах во Франции и США [Kovalevsky, 1902; Kovalevsky, 1903]. Впоследствии книга увидела свет и на русском языке [Ковалевский, 1908]. В 2010 году она была переиздана в серии «Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» [Ковалевский, 2010, Очерки ...].

Несмотря на то, что к концу XIX века имелась богатая литература о политическом строе России «в прошлом и настоящем», «Очерки...» Ковалевского стали первым опытом сжатого и доступного изложения процесса становления и развития политических учреждений страны. Излюбленный прием автора — взгляд «с высоты птичьего полета» на объект исследовательского интереса — позволил ученому вписать формирование российской государственности и ее институтов в масштабное полотно международных отношений, проанализировать многовековой опыт России в области соответствующих зарубежных заимствований.

По Ковалевскому, Древняя Русь развивалась в общеевропейском русле, а «русская удельная система приближалась к феодальным монархиям Западной Европы того же периода». Влияние «варяжского» фактора сказывалось в том, что начиная с XI века русские земли представляли собой федерацию княжеств, которые управлялись членами династии Рюрика («и подчиненных более или менее номинально великому князю Киевскому»). Ученый обращал особое внимание на роль народных собраний в решении государственных дел,

в том числе договоры между народом и князем, согласно которым последний «обязывался сохранить права тех, кем призван был княжить». При этом автор признавал слабые стороны древнерусской политической модели: «Отсутствие прочной связи, разумеется, ослабляло силу сопротивления России чужеземным завоевателям, поддерживало мелкие княжества в состоянии постоянной войны друг с другом и делало их легкой добычей для восточных кочевников, начиная с половцев и кончая татарами» [там же, с. 172].

В результате русские земли на юге и юго-востоке оказались в подчинении монголо-татарам, а на западе — литовских князей из династии Гедиминовичей. Еще одним судьбоносным следствием изменений геополитической ситуации стала ускоренная «славянская колонизация» центральной части Восточно-Европейской равнины, что привело к образованию «великорусского племени смешанной крови». «Этот-то народ и объединили под своим господством московские князья и, впоследствии, цари, в то время как более южные и более западные ветви славян составили под властью сначала литовских, а затем польских князей племени малорусское и белорусское» [там же, с. 173–174], — заключал Ковалевский.

В последующем изложении становления и эволюции российской государственности ученый стремился осмыслить неистребимую жизненную силу устоев «Московской Руси», их сопротивляемость неоднократным попыткам реформирования путем зарубежных заимствований. Ковалевский объяснял этот феномен главным образом объективными причинами.

Он отводил решающую роль природно-географическому фактору. «Внутренняя организация Московского княжества, а впоследствии Московского царства, была удивительно приспособлена к беспредельному расширению, — отмечается в книге. — Историки говорят о ней то как о системе поместья в увеличенных размерах, то как о своего рода обширном военном лагере». Отмечая справедливость обеих трактовок, Ковалевский подчеркивал важную особенность такого государственного устройства («и поместье, и военный лагерь были открыты для всякого пришельца» [там же, с. 182]¹), определившую состав «ядра русского титулованного дворянства» как «смесь элементов чрезвычайно разнородных».

¹ «Будь то авантюрист царской крови, русский, литовец или даже татарин, ищущий службы и земли, или свободный крестьянин, тоже желающий приобрести землю в потомственную аренду, с условием, чтобы известная часть необходимого для эксплуатации капитала была выдана ему собственником, — обе эти категории людей охотно принимались великим князем или землевладельческой аристократией. Ибо нарождающееся государство, более богатое землей, чем жителями, готово было обеспечить всякому пришельцу возможность получения ежегодного дохода путем обработки девственных полей и никем не занятых земель» [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 182].

Характеризуя положение свободных земледельцев, селившихся на землях Московского княжества, автор находил много общего с экономической жизнью средневековых Англии, Франции и Германии. Он объяснял это так: «Юридические институты создаются не столько индивидуальным гением той или иной нации или расы, сколько потребностями самой жизни, <...> одни и те же институты могут встречаться у самых различных народов в различные века». А потому в этих случаях «и речи не может быть о каком-либо прямом подражании» [там же, с. 183]. Та же параллель была установлена Ковалевским между земельными пожалованиями, которые московские правители предоставляли служилым людям, и бенефициями в средневековой Англии. Впрочем, последнее наблюдение, по его мнению, не исключало версии происхождения подобных порядков как «подражания татарским ханствам» [там же, с. 184].

Отмечая особую «удачливость» московских князей, Ковалевский подчеркивал: «Вначале не было удела меньше московского; он весь умещался с избытком в теперешней Московской губернии, да еще делился не раз между наследниками, так что двор у Боровицких ворот доставался одному, а мельница на Неглинной — другому. Но в двести лет Московское княжество выросло в тридцать раз и раскинулось уже по десяти губерниям, по Оке и верхней Волге. При Иване III, Василии III и Иване IV пределы московские еще расширились» [Ковалевский, 2010, Из истории ... , с. 61]. Московские государи, как их предки, удельные князья московские, по-прежнему считали всё государство своей вотчиной. Поскольку границы России продолжали неуклонно раздвигаться фактически вплоть до конца XIX века, существование политической модели Московской Руси, с точки зрения ее властителей, было оправдано и целесообразно. Административная машина была важной скрепой обширных пространств России. Система управления и контроля нивелировала различия народов, населявших новые территории. «Местная аристократия, — пишет Ковалевский, — зачислялась в ряды московских служилых людей, а низшие классы завоеванных провинций зачислялись в податное сословие» [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 196].

Историк признавал, что многовековое формирование государства на протяженной открытой территории ставило перед Россией задачу постоянной мобилизации ресурсов, в том числе для обеспечения защиты границ. По его мнению, это также закономерно «программировало» страну на сохранение и упрочение политического режима как «военного лагеря», предполагавшего жесткую централизацию и строго-иерархический порядок.

Еще один фактор, определивший устойчивое своеобразие России, — самодержавие, утвердившееся при Иване III. Уничтожение остатков «примитив-

ной демократии» («некогда общей всем средневековым русским княжествам и еще существовавшей в Новгородском и Псковском») и заявление притязаний «Государя Всея Руси» на роль преемника византийских императоров в деле управления православным миром — эти события Ковалевский оценивал как поворотные пункты в политической эволюции страны [там же, с. 191]. Именно в России, подчеркивал ученый, оказалась благодатная почва для того, чтобы здесь на века укоренилась «византийская теория императорского самодержавия». «Государь государства больше» [Ковалевский, 2010, Из истории ... , с. 66], — приводил он слова Ивана IV. Царь решал всё самолично, советуясь лишь с узким кругом приближенных лиц. Проявлением этого же «тренда», по мнению Ковалевского, стало, в частности, и учреждение Земских соборов. Он объяснял это так: «Русское правительство не искало совета наиболее сведущих людей в государстве; ему было лишь нужно узнать мнения тех, кто стоял во главе солдат или плательщиков податей; оно желало узнать не столько о нуждах населения различных округов, городов и посадов, сколько о числе ратников и о сумме денег и всякого добра, которыми оно могло располагать в случае военных или политических затруднений». Ковалевский подчеркивал, что упомянутые задачи Соборов и особенности состава их участников не дают оснований трактовать этот представительный орган как «сколок с английского парламента и с французских Генеральных штатов».

Более того, Ковалевский указывал на кардинальные различия между Россией и Западной Европой того времени, исключавшие появление российского народного представительства по образцу английского или французского. С одной стороны, это отсутствие личной свободы («с каждым поколением все глубже чувствуемое» [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 192–194]), а с другой — из-за дальних, труднопреодолимых расстояний Московии царь мог реально опираться на поддержку лишь той части правящей элиты и купечества, которая постоянно жила в столице².

По Ковалевскому, ядро политической модели «Московской Руси» — это единоличный правитель. Все участники административного механизма призваны безоговорочно реализовывать обозначенный самодержцем курс и действовать в известной «системе координат» (местничество, кормления). Страна фактически отдается служилым людям на откуп — со всеми вытекающими

² «Кто примет во внимание чрезвычайную обширность Русского государства в то время, когда Соборы впервые появляются в его истории, кто вспомнит, что невозможно было достигнуть столицы менее, чем в несколько месяцев ввиду плохого состояния дорог и отдаленности некоторых провинций, как Новгород, Псков, Архангельск, берега Енисея или Урала, Камы или Волги, — тот легко поймет, что парламентарное представительство не могло принять в России тот общий характер, какой оно имело в Англии» [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 194].

отсюда последствиями. А это — народные волнения и борьба за власть группировок правящих элит, которые поднимали голову в периоды ослабления самодержавия, как это было в Смутное время или эпоху дворцовых переворотов. Ковалевский подчеркивает, что можно очень условно говорить о пользе для будущего страны известных попыток ограничения единовластия царя в упомянутые периоды, поскольку главной целью оппозиционеров было обеспечить «больше свободы» не народу, а исключительно себе.

Объясняя причины устойчивости модели «Московской Руси», Ковалевский, наряду с действием природно-географического фактора и влиянием самодержавия, обращал внимание также на русский национальный характер как опору политического режима. Ученый признавал, что «восточный деспотизм Ивана Грозного и псевдопатриархальная власть Алексея Михайловича» окончательно утвердили в сознании большинства россиян представление о своеобразной норме в отношениях власти и подданных, которая исключала идеи политической и гражданской свободы. «Русский народ продолжал из поколения в поколение поддерживать систему, которая менее всего пользы приносила ему» [там же, с. 257] — одно из объяснений этого явления ученый видел в том, что несмотря на «спорадические вспышки гнева», русский подданный вплоть до начала XX века продолжал оставаться «скорее плательщиком налогов, чем гражданином» [там же]³.

Закреплению такого менталитета способствовало и невежество масс. А в результате «отсутствие просвещения, личной энергии и веры в себя сделало столь тяжелой задачей преобразования России по европейскому образцу» [там же, с. 234].

Развивая мысли о роли человеческого фактора, Ковалевский выходил на проблему политического консерватизма. По его мнению, консерваторами в России традиционно считались сторонники сохранения самодержавия, при-

³ Несмотря на вывод Ковалевского о «грубости» политических учреждений Московского государства времен Ивана Грозного (по словам современников-иностранцев, оно представляло собой «крайний пример деспотии, или тирании»), ученый обращал внимание на обозначившиеся тогда же альтернативы («зародыши») будущего развития России, одной из которых (наряду с «восточной монархией») были «военные казацкие республики». «На Москве вся страна была вотчиной государя; на Дону власть была в руках всей казацкой общины, всего круга, все казачество чувствовало себя хозяином» [Ковалевский, 2010, Из истории ... , с. 93]. Ученый подчеркивал, что из слияния этих двух «линий» и образовалось Российское государство. Вплоть до начала XX века в нем сосуществовали две противоположные друг другу тенденции: «одна — к порядку, основанному на общественной иерархии, а другая — к неограниченной и равной для всех свободе. Но в конце XVI столетия природа этих двух различных социально-политических организмов была слишком несовместима, чтобы между ними возможны были какие-нибудь другие отношения, кроме открытой войны», — признавал ученый [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 200].

знававшие главной именно эту цель, а вовсе не обеспечение нужд государства и большинства населения страны. В качестве примера ученый приводил деятелей упомянутого типа, которые в эпоху реформ Александра I выступили противниками радикальной переделки «старых государственных учреждений» (по существу, «полушведских, полунемецких надстроек над московскими учреждениями и обычаями»), в которых было «очень мало древнего и соответствующего народному духу». Вывод Ковалевского был однозначен: «Нельзя пытаться найти истинных консерваторов в рядах бюрократии, созданной по иностранному образцу».

С определенными оговорками ученый готов был назвать «настоящими консерваторами» представителей «романтической школы старых славянофилов», желавших восстановить нравы и обычаи далеких предков. Но эта «политическая археология» слишком далека от быстро прогрессирующего общества, подчеркивал Ковалевский. Ссылаясь на европейский опыт, он полагал, что консерватором следует считать не того, «кто довольствуется защитой и проведением в жизнь положения: “так было, так и будет”, а того, кто, приносившись к требованиям жизни, делает благоразумные уступки духу времени» [Ковалевский, 1915, с. 366]. Примером подобного подхода для ученого были реформы Александра II, а также деятельность С. Ю. Витте, сыгравшего важную роль в превращении России в конституционную монархию.

Размышляя о феномене незыблемости «Московской Руси», Ковалевский наряду с внутренними обстоятельствами отмечал и влияние внешнего фактора. Он обращал внимание на то, что в период активного заимствования Россией зарубежного опыта в самой Европе преобладали вовсе не либеральные модели управления. В результате перестройка государственных учреждений в эпоху от Петра I до Екатерины II включительно шла в целом по образцу «европейского военного абсолютизма» [Ковалевский, 2010, Очерки ... , с. 201]. А в начальный период правления Александра I, увлеченного опытом Наполеона Бонапарта, ориентиром для российского императора стал идеал «добротного тирана» — «могущественного единоличного правителя, руководимого идеями справедливости и свободы и управляющего народом сообразно с его интересами, но без его участия» [там же, с. 282]. Понятно, что такой европейский «мейнстрим» в общем устраивал российских императоров-реформаторов.

Анализ транзита России с Востока на Запад, рассмотрение результатов адаптации в стране зарубежного опыта — всё это приводило Ковалевского к выводу о том, что преобразование государственного строя по иностранным образцам нисколько не помешало сохранению сути политических институтов, сложившихся в период Московского царства. Ученый объяснял это тем, что

иностранные идеи и учреждения заимствовались лишь постольку, поскольку они не противоречили существовавшей форме правления: «Россия усваивала одну лишь форму, а не дух тех учреждений, которые она копировала». К тому же чужеземные законы и регламенты, привитые к «русскому стволу», подверглись сильному воздействию природы последнего [там же, с. 158].

«Как можно освободить Россию из тисков “Московской Руси”?» — отвечая на этот вопрос, Ковалевский, как ученый и политик (либерал-центрист), предлагал исходить из опыта истории, который говорит о том, что негативно влияет на государство не только единовластие самодержца. Не менее вредно и сосредоточение власти в руках какой-либо одной группы (социальной или политической), как это было, например, в случае с Петром I, сделавшим ставку на бюрократию, или с Екатериной II, опиравшейся на дворянство. Такие порядки, по словам Ковалевского, всегда открывают пути для «вопиющих злоупотреблений» и ускоряют процесс «гниения» государственных учреждений. Отсюда мысль ученого о необходимости для России представительного строя, а также вывод о необходимости широкого распространения местного самоуправления.

Ковалевский обращал внимание на еще один урок истории. Поскольку «учреждения исчезают легче, нежели образовавшиеся под их влиянием черты характера», — акцентировал он, — успех европеизации России зависит прежде всего от успехов народного просвещения. Ученый и его соратники последовательно отстаивали приоритет культуры в деле общественного переустройства. В частности, рассуждая о последствиях петровских реформ, Ковалевский убежденно заявлял:

Нет сомнения, что распространение знаний вообще, и особенно технических, открытие теремов — части домов, обитаемых женской половиной семей — для свободного общения обитательниц их с внешним миром, уничтожение старого предрассудка, заставлявшего ценить человека по его происхождению, а не по его достоинствам, сделали больше для преобразования русского государства, чем введение бюрократических учреждений, заимствованных за границей.

[Там же, с. 237]

Список источников

Вострикова В. В. Теория заимствования в интерпретации российских либералов начала XX века // Исторические, философские, политические и юридиче-

ские науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: Научно-теоретический и прикладной журнал. 2011. № 2 (8), ч. 2. С. 50–53.

Ковалевский М. М. Граф С. Ю. Витте // Вестн. Европы. 1915. № 4. С. 362–367.

Ковалевский М. М. Из истории государственной власти в России // Ковалевский М. М. Избр. труды: в 2-х ч. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н. Б. Хайлова. М.: РОССПЭН, 2010. Ч. 1. С. 55–156.

Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений России // Ковалевский М. М. Избр. труды: в 2-х ч. / сост., автор вступ. ст. и коммент. Н. Б. Хайлова. М.: РОССПЭН, 2010. Ч. 1. С. 157–391.

Ковалевский М. М. Очерки по истории политических учреждений России / пер. с разреш. авт., А. Баумштейна, под ред. Е. Смирнова. СПб.: Н. Глаголев, 1908. 243 с.

Kovalevsky M. Russian political institutions. The growth and development of these institutions from the beginnings of Russian history to the present time. Chicago: The University of Chicago Press, 1902. 328 p.

Kovalevsky M. Institutions politiques de la Russie. Naissance et développement de ces Institutions des commencements de l'histoire de Russie jusqu'à nos jours. Paris: V. Giard & E. Briere, 1903. 370 p.

References

Kovalevsky, M. (1902) *Russian political institutions. The growth and development of these institutions from the beginnings of Russian history to the present time*. Chicago: The University of Chicago Press.

Kovalevsky, M. (1903) *Institutions politiques de la Russie. Naissance et développement de ces Institutions des commencements de l'histoire de Russie jusqu'à nos jours*. Paris: V. Giard & E. Briere. (“Bibliothèque internationale de droit public, publiée sous la direction de Max Boucard et Gaston Jèze”).

Kovalevskij, M.M. (1908) *Oчерки по истории политических учреждений России* [Essays on the History of Political Institutions in Russia]. Transl. by A. Baumshtejn, ed. by E. Smirnov. St. Petersburg: N. Glagolev.

Kovalevskij, M.M. (1915) ‘Граф С.Ю. Витте’ [‘Count S.Yu. Witte’], *Vestnik Evropy*, 4, pp. 362–367.

Kovalevskij, M.M. (2010) ‘Из истории государственной власти в России’ [‘From the History of State Power in Russia’], in Kovalevskij, M.M. *Izbrannye trudy: v 2-h ch. Ch. 1* [Selected Writings: in 2 parts. Part 1]. Comp., introduction, comments by N.B. Hajlova. Moscow: ROSSPEN, pp. 55–156.

Kovalevskij, M.M. (2010) ‘Oчерки по истории политических учреждений России’ [‘Essays on the History of Political Institutions in Russia’], in Kovalevskij, M.M. *Izbran-*

nye trudy: v 2-h ch. Ch. 1 [Selected Writings: in 2 parts. Part 1]. Comp., introduction, comments by N.B. Hajlova. Moscow: ROSSPEN, pp. 157–391.

Vostrikova, V.V. (2011) 'Teoriya zaimstvovaniya v interpretacii rossijskih liberalov nachala XIX veka' ['The Theory of Borrowing in the Interpretation of Russian Liberals of the Early 20th Century'], *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki: Nauchno-teoreticheskij i prikladnoj zhurnal [Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of theory and practice: Scientific-theoretical and applied journal]*, 2(8), part 2, pp. 50–53.

Информация об авторе: Н. Б. Хайлова — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института российской истории РАН. Адрес: Российская Федерация, 117036, Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19.

Information about the author: N. B. Khailova — DSc in History, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. Address: 19 Dmitry Ulyanov Str., Moscow, 117036, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022;
одобрена после рецензирования 20.08.2022;
принята к публикации 10.09.2022.

The article was submitted 19.06.2022;
approved after reviewing 20.08.2022;
accepted for publication 10.09.2022.